

Заразные годы

Автор:

Дмитрий Быков

Заразные годы

Дмитрий Львович Быков

«Заразные годы» – новая книга избранных писем счастья Дмитрия Быкова за разные годы. Мало кто помнит, что жанр злободневной поэтической колонки начался еще в огоньковский период автора. С тех пор прошло уже больше 20 лет: письма счастья перекочевали в «Новую газету» и стали ассоциироваться только с ней. За эти годы жанр не надоел ни автору, ни читателям – что еще нужно, чтобы подтвердить знак качества? В книгу «Заразные годы» войдут колонки последних лет и уже признанные шедевры: троянский конь украинской истории, приезд Трампа в Москву, вечный русский тандем, а также колонки, которые многие не читали совсем или читали когда-то очень давно и успели забыть – к ним будет дан краткий исторический комментарий. Читая письма счастья, вспоминаешь недавнюю и самую новую историю России, творившуюся на наших глазах и даже с нашим участием.

Дмитрий Быков

Заразные годы

© Быков Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От автора

Название «Заразные годы» появилось случайно. Издатель спросил: вы хотите собрать последние тексты или за разные годы? Вот оно, подумал я. Самое точное определение прожитого двадцатилетия. И самое ужасное, что перезаразились не только все мы, но и значительная часть внешнего мира. Автор не претендует на изобретение антибиотика от этой заразы, но ему кажется, что он несколько облегчит читателю течение болезни.

Сочинять эти так называемые Письма счастья – ведь лирика всегда письмо о счастье и всегда в никуда – я начал в середине девяностых для «Собеседника», там они выходили под рубрикой «Герой недели». Потом перенес эту рубрику в «Огонек», оставив в «Собеседнике» героя. Наконец, после очередного реформатирования «Огонька», я попросился в «Новую газету», которую часто ругал, но всегда уважал. Спасибо им, они меня приняли и терпят до сих пор.

Естественно, эти стихотворные фельетоны подверглись отбору, но большинство из них, как я убедился, не устареет. Писать о Путине – кратчайший путь в вечность: любовь проходит, а Путин – никогда.

С годами эти стихи стали серьезнее и вообще все больше походят на лирику. В стихах органичней получается эзопова речь, там можешь сказать больше и точнее. Кроме того, чем пускать стихи в серьезную лирику, всегда лучше иметь отводной канал для политической. Вообще мне кажется, что реагировать на политику для поэта естественно: именно она – концентрированное выражение общественной морали. И еще – эти еженедельные (иногда и чаще) поэтические экзерсисы держали меня в тонусе. Чтобы писать время от времени настоящие стихи о смысле жизни, неплохо бывает накачивать мускулы, тренироваться и вообще время от времени вызывать вдохновение. Врут, что его нельзя вызвать. Если у вас дедлайн и каждые десять минут зовет ответсек – вдохновение хочет не хочет, а явится.

Эту книгу составила и прокомментировала Катя Кевхишвили, спасибо ей за это. Последние стихи мы оставили без комментариев, ибо поводы еще свежи в памяти. Спасибо Юрию Пилипенко и Дмитрию Муратову, которые все это терпели, печатали и никогда ни в едином слове не цензурировали. Будем надеяться, что наши нехитрые радости в эти заразные годы помогли нам дожить до незаразных – и даже слегка приблизить их.

Дмитрий Быков

Огоньковский период

Юбиляр

Июнь 1999 года. Двухсотлетие Пушкина.

Виват! Пред славным юбилеем

Страна трудилась день-деньской.

Залит отборнейшим елеем

Кумир зеленый на Тверской,

Кумиру чистят бакенбарды,

Палят из пушек, жгут петарды,

Над кучерявой головой

Виется дым пороховой,

И всё родное Хаммурапи —

Дядья без правил, голь, ворье,

Семья и присные ее, —

Повисли на одном арапе:

Вцепились с воплем «Погоняй!»

И мыслят ехать прямо в рай.

И с кепкой мэр, и Лебедь Саша,

И первых вице череда

Кричат: он наше все! он наше!

Все, да не ваше, господа.

И мэр, и нищий в переходе

Равно чужды его природе;

И от братка, и от бомжа

Он отвернулся бы, дрожа.

И русопят, и гордый горец,

И воин, что пред ним дрожит,

И профессиональный жид,

И самоучка-жидоборец —

Все чернь. А впрочем, белизна

У нас не менее грязна.

Но наш поэт, любивший славу,

Не отказался б от венка.

Ему, я думаю, по нраву,

Что треплют лавры старика,

Что не на нужды жизни низкой

Сбирают денежку подпиской,

А на издание плодов

Его михайловских трудов,

Что новое запомнит слово

Юнец, который в двадцать лет

Знал только слово «Интернет»;

И наконец, что не Лужкова,

Не Коха, не Бородина

Так пышно чествует страна.

Прости, поэт. Но если после

Всех этих воплей и пальбы

Души, коснеющей в коросте,

Коснется жар твоей судьбы,

И тот, кто был тупой скотиной,

Запомнит только звук единый,

И слово сможет уколоть

Его жиреющую плоть,

И тайным веяньем иного,

Таинственного бытия

Строка единая твоя

Иль хоть единственное слово

Смутит царей, проймет псарей, —

Не зря и этот юбилей.

Чрезвычайная ода

Пока вокруг опасности таятся

И вся страна дежурит до шести,
Министра чрезвычайных ситуаций
Хочу воспеть и к власти привести.
Но так как я придумать рифму к «Шо?йгу»
При всем своем таланте не могу,
То вместо установленного «Шо?йгу»
Я буду называть его «Шойгу?».

Отечество мое, как идиота,
Приходится спасать сто раз на дню.
Здесь есть одним спасателям работа —
Все прочие давно пошли ко дну.
Упал ли дом, нашли в крупе взрывчатку,
Жарю выжгло тундру и тайгу,
Без топлива оставили Камчатку —
Везде спешат спасатели Шойгу!
Старик забыл, где выход из сортира,
Ребенок ли объелся творогу,
Открылся свищ, закрылась ли квартира —
К тебе спешат спасатели Шойгу!
В моей стране, где даже к честной власти
Относятся как к злейшему врагу,
Исправить ситуацию отчасти
Способны лишь спасатели Шойгу!
Поэтому пора, не отлагая

До будущего лета этих дел,
Избрать его, Отчизна дорогая,
Чтоб он один тобою овладел.
Его ребят я не устану славить,
Его бойцам – приветствия писать...
Америкой, быть может, можно править,
Но Родину давно пора спасать.

Битва титанов

Октябрь 1999 года. Информационная война Гусинского с Березовским, Семьи с ОВР, «Итогов» с «Программой Сергея Доренко».

На авансцену выходит Сергей Доренко с противотанковым ружьем. Следом за ним из-за кулисы Евгений Киселев выкатывает тяжелую шарманку.

Доренко (аккомпанируя на противотанковом ружье)

Лужков – супруг своей жены,
Он муж Батуриной Елены,
И все Батурины страны —
Его семьи огромной члены!
Никто доселе не раздул
Разоблачения такого!
Мне кнопку бросили на стул,

И это происки Лужкова!

Киселев (заводя шарманку)

А Ельцин старый и больной,
Он стал посмешищем для мира,
Четвертый год рулят страной
Его семья и два банкира!
Один – Роман, другой – Мамут,
Татьяна их гоняет шваброй...
Меня, наверное, убьют
За то, что я ужасно храбрый!

Доренко (стреляя в воздух)

Лужков привык грозить Кремлю,
Прикрывшись честною личиной!
Его я в Африку сошлю,
Переодев его мужчиной!
Лужков и Пакколи – друзья.
Мэр не сказал о том ни слова.
В Испании объелся я,
И это происки Лужкова!

Киселев (крутя шарманку)

А Ельцин старый и больной,
Системный кризис абсолютен,

Правитель нужен нам иной,
И до весны сгодится Путин,
А там «Отечества» отцы
Народ возглавят очумелый...
Боюсь, что мне придут концы
За то, что я ужасно смелый!

Доренко (разражаясь градом выстрелов)

Лужков – чудило из чудил.
Кот испугался попугая!
Сначала дело возбудил,
За клевету меня ругая,
Но после двух недель возни
Его закрыли бестолково.
Я на свободе, черт возьми,
И это происки Лужкова!

Киселев (вертя ручку)

А Ельцин старый и больной!
Он говорит с ужасным хрипом!
Помимо всяких параной,
Он третий год болеет гриппом!
Отшибло ум у старика,
Он разгребает хлам бумажный...
Меня убьют наверняка

За то, что я такой отважный!

Доренко (стреляя)

Лужков – пахан и крестный дон!

Киселев (играя)

Дьяченко – в роли кардинальши!

Доренко

Услать Лужкова за кордон!

Киселев

Отправить Ельцина подальше!

Доренко

Московской мафии – капут!

Киселев

Семья к отплытию готова!

Меня убьют! Меня убьют!

Доренко

И это происки Лужкова!

Наказанное корыстолюбие, или Блудный отец

Нравоучительная драма XVIII века, писанная в зарождающемся XXI.

Действующие лица:

Блудный отец – мужчина с характерной внешностью, лет пятидесяти. Быстрая речь, бегающие глазки.

Добродетельный сын – мужчина лет сорока пяти с губастым, открытым и честным лицом.

Блудный отец

Внемли, жестокий сын моих мохнатых чресел!

Почто ты на меня ярлык врага навесил?

Почто не обратишь губастого лица

Ты в сторону меня, несчастного отца?

Добродетельный сын

Нет, ворон, я не твой! С упрямством ишачиным

Меня, главу страны, ты называешь сыном.

Дитя я органов и доблестной Семьи,

Но эти органы, папаша, не твои!

Блудный отец

Помилуй, дитятко! В семье признали сами —

Я создавал тебя вот этими руками!

Ты плод моих трудов, моих костей и жил,

А сколько долларов в тебя я заложил!

Добродетельный сын

Ты деньги на меня давал по доброй воле.

А чем ты нажил их? Трудом полезным, что ли?

Спасибо же скажи, что я еще слегка

Даю тебе давно уместного пинка.

Блудный отец (бурно жестикулируя)

Нет, вы послушайте! О боже, боже правый!

Не я ли год назад вскормил тебя «Андавой»?

Не я ли, сколотив «Единство», сбился с ног?

О да, я воровал – но для тебя, сынок!

Кристалльный, как Прудон, расчетливый, как Струве,

Я все, что добывал, тащил тебе же в клюве!

Я первые твои купил тебе штаны,

А ты меня теперь погонишь из страны!

Добродетельный сын

Ты мне купил штаны помимо всяких правил,

А скольких россиян ты без штанов оставил?

Ужели веришь ты, что за твои штаны

Все власти потакать тебе обречены?

Беги, ты мне никто! Скажи еще спасибо,

Что ты наказан днесь не стройками Запсиба

И не Чукоткою, как твой дружок Роман,
А выслан за рубеж и прячешься в туман!

Блудный отец (глумливо)

А если рассказать стране и правосудью,
Как я тебя кормил вот этой самой грудью?
А если я скажу ликующей толпе
Всю правду про тебя, про Таню и тэ пэ?
Когда ты не вернешь мне прежних предпочтений,
Я столько соберу таких пресс-конференций,
Что книги Коржика, чтоб был он так здоров,
Тебе покажутся укусом комаров!

Добродетельный сын (с достоинством)

Да, это аргумент расчетливый и скотский.
Но помнишь – за рубеж был выслан некто Троцкий?
Он тоже был хитер и временами груб,
Однако на него нашелся ледоруб!

Блудный отец

О, нечестивый сын! Кому грозишь ты плахой?
Куда, куда меня ты посылаешь?!

Добродетельный сын

К черту!

А вы запомните, блудливые отцы:

Вас тоже могут ждать подобные концы.

Разбор полетов

Июнь 2001 года. Арест Владимира Гусинского после недавней истории с таинственным исчезновением и столь же таинственным обнаружением Андрея Бабицкого.

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. Путин нервно ходит по ковру. На ковре перед ним – вызванные на разбор полетов Рушайло, Патрушев и Устинов.

Путин

Это что же вы творите, сукины сыны?

В США и в Лондон-сити все потрясены!

Говорят, что я свободу прессы удушил

И российскому народу хавальник зашил!

Я ж велел вам только прессу мягко уломать,

Не теряя политесу, шлеп же вашу мать!

Вы ж Бабицкого ломали, как тайфун – тростник!

Нешто вы не понимали, резник и мясник?!

Силовики (хором)

Ну, пускай наполовинку пережали пресс —

Нам же все-таки в новинку этот политес!

Не чуждайся нашей дружбы и не обессудь:

Мы ведь все ж таки спецслужбы, а не кто-нибудь!

Путин

Ну, Бабицкого прошу хоть. Но налет на «Мост»?!
Я же вас просил прощупать, потянуть за хвост,
Но устроить маски-шоу посреди Москвы —
Это, братцы, по-большому мне наклали вы!
Можно было компроматом рожи им намять,
Но нельзя же автоматом, шлеп же вашу мать!

Силовики

Ну допустим, ну а фиг ли? Тут же враг кругом!
Мы же, Вова, не привыкли цацкаться с врагом!
Так что мы не виноваты, зря не голоси:
Мы ж ведь все-таки солдаты, а не хрен соси!

Путин

Что же мне, раздать награды? Ручки вам пожать?
Ну Гусинского-то, гады, кто велел сажать?
Я ж сказал - пугнуть немного. Дескать, доконал.
У него ж, у демагога, собственный канал!
Тут про эту предварилку воет целый свет!
Я ж сказал - «Загнать в бутылку», а в Бутырку - нет!

Силовики

Что он тут торчал, как цаца, грязью нас полив?

Пусть он едет издеваться на фиг в Тель-Авив!

Пред тобой, Вован, мы чисты, или нет, чисты,

Мы ж ведь все-таки чекисты, ровно как и ты!

Путин

Да, конечно, это суки, сволочи, враги —

Но ведь нам связали руки внешние долги!

Запад как о троглодите воет обо мне!

Вы уж все-таки блюдите видимость вовне!

Чтобы мы хотя б снаружи, глядячи в упор,

Были все-таки не хуже, чем до этих пор!

Занимайтесь тут хоть сыском, жмите всю печать,

Но кончайте вы с Гусинским!

Силовики (радостно)

Стало быть, кончать?!

Путин (с досадой)

Да к чему же нам расправа, пытки и бои?

Эк у вас зудит-то, право, прыткие мои!

Пусть бы он на волю вышел, шлеп же вашу мать,

Пусть бы я о нем не слышал дней хотя бы пять!

Силовики (с готовностью)

Мы, быть может, грубоваты, выжжены в борьбе,

Но, однако, мы – солдаты, верные тебе!

И тебе даем мы слово: про него, жиды,

Ты не будешь слышать, Вова, больше никогда!

Бросаются к Путину и отрывают ему уши.

Сдача

Июль 2001 года. Югославия во главе с Воиславом Коштуницей сдала Слободана Милошевича Гаагскому военному трибуналу.

Члены правительства (шепотом, Джинджичу)

Смелей! Решайся, ренегат,

Ослица Буридана!

Джинджич (неуверенно)

Воислав! Вишь, какой расклад...

Мы сдали Слободана.

Коштуница

Ну, блин! Не жизнь, а волшебство.

Скандалы на скандале!

Кто согласился взять его

И что за это дали?

Джинджич

Да на него еще когда

Прислали нам бумаги!

Короче, мы сказали «да» —

И он теперь в Гааге.

Коштуница (бледнея)

Не может быть! Да ты в уме?!

Отдать в Гаагу Слобо!

Теперь мы все в таком дерьме!

И вы! А я – особо!

Джинджич

Ты знаешь, я подумал тут...

Он, знаешь, шизофреник,

А нам сказали, что дадут

За это много денег!

Коштуница

Ух, как взъярится большинство!

Скажи мне, ради бога:

Вы, значит, продали его?

Джинджич

Но денег правда много.

Коштуница (остывая)

Весь мир теперь остынет к нам...

Джинджич

Воислав, это враки.

Коштуница

Да он с собой покончит там!

Джинджич

Воислав, это вряд ли.

Коштуница

И как я мог не уследить?!

Мне что теперь – убиться?

Джинджич

Но не самим же нам судить

Народного любимца!

Коштуница (с тоской)

Теперь начнется крик, скандал,

И шум, и тьма кромешна...

Но я не знал! Ведь я не знал?

Совет министров (хором)

Не знал! Не знал, конечно!

Коштуница (примиренно)

Мне лишь Отчизна дорога!

Я чужд угрюмой злобы!

А денег много?

Совет министров

До фига!

Коштуница

Но я не знал?

Джинджич

Еще бы!

Пара крутых

В октябре 2001 года Путин встретился с Бушем.

Буш

Мой друг Владимир...

Путин

Можно Вова.

Буш

Любезный друг, не всем дано

Понять друг друга с полуслова,

Но я-то понял вас давно.

Вступив на верную дорогу,

Вы сильно радуете нас.

Ведь демократия, ей-богу,

Всем надоела двадцать раз!

Путин

Любезный Джорджи!

Буш

Можно Жора.

Путин

И мы признаться вам должны,

Что доигрались до упора

В развале собственной страны.

Мог презирать любой узбек нас,

Про молдаван не говоря...

Какая, блин, политкорректность!

Россия требует царя!

Буш

Я знал, что мы пойдем друг друга.

Я знал, что мы друг другу в масть.

Народы наши от испуга

Хотят лизать любую власть.

Путин

И как тут, Жора, ни крутись ты —

Поверь общественной нужде:

Когда приходят террористы,

Страна нуждается в вожде!

Буш

Признаться, Вова, не пора ли —

Скажу, как русскому царю:

Нас очень вовремя избрали!

Путин

И я про то же говорю!

Настало время нашей роты

Творить активное добро.

Что, кстати, думаешь про ПРО ты?

Буш

Оставь, мой друг! Какое ПРО!

Тому залог мои седины —

Об этом я давно умолк.

Теперь должны мы быть едины.

Тебе не нужно денег в долг?

Путин

Не надо, справимся легко мы.

Страна не зря горда собой.

Нужны ль тебе аэродромы?

Бери, пожалуйста, любой!

Буш

Давай, мой друг, поднимем знамя

Защиты вольности и прав!

И кстати, Вова... между нами...

В Чечне ты был, похоже, прав.

Хором

Гордитесь Путиным и Бушем,

Вовсю выпячивайте грудь!

Весь мир исламский мы разрушим.

Кто был ничем – ничем и будь!

Подавившиеся лимоном

В июле 2002 года состоялся суд над Эдуардом Лимоновым.

Отечество судит писателя вновь,

Причем на закрытом процессе.

Писательство портит и нервы, и кровь.

Оно из опасных профессий.

Состряпанных белыми нитками дел

Немало в российских анналах:

Сидел Чернышевский, и Горький сидел —

Поэтому мир и узнал их.

Сидел Достоевский, и – горе уму!—

Бывал Грибоед под арестом.

Под стражей Тургенев задумал «Муму»,

Что стала его манифестом.

Кобылин сидел, и сидел Мандельштам,

Клеймивший опричников смело:

Он встретить бы мог и Шаламова там —

Писателей много сидело.

Российский Парнас – это смрадный подвал,

Россия – страна неурядиц:

И Пушкин – вы помните – в ссылке бывал,

И Бродский сидел, тунеядец...

Но судей Лимонов приводит в экстаз:

Всех прочих уделал Лимонов!

Писателей брали в России не раз,

Но брали, увы, без ОМОНов.

Должно быть, Лимонов – писатель крутой,

Не зря он попал на скрижали!

Зато уж Толстой – это полный отстой:

Его никогда не сажали.

Уж как он хотел посидеть, говорят,

Уж как он того добивался —

А все ж не попал в этот доблестный ряд,

Тогда как Лимонов – прорвался.

И ты не в обиде, российская власть,

И вы, доносители-шкуры:

Когда вам еще доведется попасть

В историю литературы?

Тайна пола

В мае 2003 года в Россию приехал Пол Маккартни. И его принял у себя Владимир Путин.

Страна была поражена: в субботу Путин принял Пола. Там были Пол, его жена и скромный гид мужского пола. Ловила жадно вся Москва беседы важные детали, но только общие слова до русской прессы долетали. О чем был главный разговор – гадать могли бы до утра мы, когда бы благородный вор нам не представил стенограммы.

Путин

Привет вам, милые, привет! Давно хочу спросить у Пола – без телекамер, без газет и вообще без протокола: вас обожало большинство, и меньшинство любило прочно – ваш рейтинг больше моего...

Пол

Не может быть!

Путин(хмуро)

Проверил, точно. Мой – семьдесят, битловский – сто. Не веришь – спросишь у Суркова. И вот хочу спросить: за что? Чего вы сделали такого?

Маккартни(чувствуя себя виноватым)

Я ничего не делал, сэр! Мы просто музыку лабали! Я – на гитаре, например, а Ринго Старр – на барабане.

Путин(начиная сердиться)

Мы много книг про вас прочли! Не надо с нами, как с ослами! Не замирили вы Чечни, Березу в Лондон не сослали, не поднимали ВВП, телемостов не проводили – а только шлялись и т.п. по этой вашей Пикадилли. Ну там концертник, ну

другой... Но извини – у нас в России Газманов левою ногой писал бы песенки такие! А как Кобзон у нас поет? Включи любую передачу – и сразу видно: патриот! А вы что пели? Чушь собачью! Мне переводчик перевел – там слабо с уровнем моральным. Сравни ты эти песни, Пол, с моим посланьем федеральным – легко поймет любой дурак, что я владею словом метким. А все же хлопали не так! Не так, как вашим шансонеткам! Я даже пенсии плачу, я в Грозном одержал победу, когда куда-то не лечу – так, значит, я куда-то еду... Кому ты пенсии даешь? Кому, скажи? Не прячь глаза-то! Ты все про йестеди поешь, а я – про радостное завтра! Так объясни же, отчего на всей земле на самом деле твой рейтинг выше моего?

Маккартни(испуганно)

Не знаю, сэр! Мы просто пели...

Путин(задумчиво)

Ну вот, поди теперь ответь, кого возносит случай шалый... Чего же мне теперь – запеть? Сыграй-ка, Пол! Споем, пожалуй!

Хором

Can't buy me love, yeah...

Послание к Ирине Хакамаде, как если бы она домогалась моей любви

В январе 2004 года правые потерпели на думских выборах катастрофическое поражение.

Ты ни к чему, Ирина Хакамада,

У нас в степи.

Хотя тебе, наверно, хокку надо,

Но потерпи.

Тебе не будет никакого хокку,

И я клянусь:

Тебя не хочет ни с какого боку

Святая Русь!

Когда-то вы с Немцовым и Чубайсом

Пятнадцать лет

Имели нас по самое не бойся.

Тут рифмы нет,

Но мы народ простой, неприхотливый,

И мы вполне

Без рифмы вовсе можем обходиться,

Когда хотим!

Когда бы ты под действием порыва

Любви земной

Вдруг извиваться стала похотливо

Передо мной, —

Тогда б науку вспомнил я отцову

И поднял плеть:

Ступай к Немцову, милая, к Немцову,

А к нам - не сметь!

Мы скифы все, мы евро-азиаты,

Нас тьмы и тьмы!

Вы тем уже пред нами виноваты,

Что вы – не мы!

Вы всё отнять хотите – от Тамбова

И до Курил.

Оденься, ты! – сказал бы я сурово

И закурил.

Но даже если б ты не уходила,

Нюня, стоня,

И мне сквозь зубы жалобно твердила

«Возьми меня», —

Я, может быть, к мольбам влюбленной гейши

Бы снизошел,

Но избирать тебя на пост главнейший

Бы не пошел!

Уже довольно Родина страдала

От правых сил!

У нас теперь ни правых сил не стало,

Ни левых сил!

Их никаких у нас теперь не стало —

Один патрон;

Теперь тебя нам только не хватало

Избрать на трон!

Езжай домой, Ирина Хакамада,

Езжай, и всё!

Там харакири, сакура, микадо,

Сумо, Басё,

Возьми с собою книги Мураками,

Саке, суши,

И впредь не трогай грязными руками

Моей души!

Какой ты!

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. Перед ним стоит президент Южной Осетии Эдуард Кокойты.

Кокойты

Прошу, от паники устав:

Моих сограждан успокой ты!

Возьми нас, Вова, в свой состав!

Мы рвемся к русским!

Путин

Ах, Кокойты!

Забудь резню, оставь возню,

Мы все давно уже решили —

Ведь если я тебя возьму,

Мне не простит Саакашвили!

Кокойты

Володя, что тебе грузин:

Кто он такой – и кто такой ты?

Ему лишь пальцем погрозим —

И он отступит!

Путин

Ах, Кокойты!

Конечно, ты не из разинь —

Вцепился в трон, живешь богато...

Но он не просто так грузин!

За ним же Буш и все ребята!

Кокойты

Володя, слушай, что нам Буш!

На это все глаза закрой ты.

Мы все – нас двести тысяч душ —

Хотим в Россию!

Путин

Ах, Кокойты!

Оставь напрасные мечты,
Тебе придется наклониться!
Ведь не Россию любишь ты,
А контрабанду на границе.

Кокойты

Ну да, люблю. И что с того?
Кто первый встал, того и тапки!
Россию любит меньшинство —
Все остальные любят бабки.
Делиться, кстати, я готов.
Уже теряешь рейтинг свой ты:
Где Абашидзе? Был таков!
А он за русских!

Путин

Ах, Кокойты!
У вас там ногу сломит черт!
Тебе скажи, а ты раструдишь...
Не русских он любил, а порт!
А ты... тоннель ты Рокский любишь!

Кокойты

Люблю! Но, денег не любя,
Нельзя, Володя, миром править!

А также я люблю тебя —

Сильней, чем можешь ты представить.

Земля у нас сейчас ничья,

Ее, пожалуйста, прикрой ты —

Иначе новая Чечня вас ожидает...

Падает к нему в объятия.

Путин (потрясенно)

Ах, Кокойты!

Юбилейный разговор с товарищем Андроповым

К 90-летию со дня рождения.

Грудой дел отшумев и отхлопав, день отошел и угас вдалеке. Двое в комнате – я и Андропов – фотографией в родном «Огоньке». Светлым взором смотрит, как витязь, насквозь пронзая душу мою... Что вы сказали? «Прошу, садитесь»? Спасибо, не тревожьтесь, я постою. Товарищ Андропов, я вам докладываю. То есть закладываю, проще сказать. Товарищ Андропов, работа адовая будет сделана и делается опять. Это ничего, что я так разговариваю? Трудно выбрать достойный тон... Делают по вашему, в общем, сценарию: сначала – богатых, прочих – потом. Олигархи уже сидят у параша и тщетно ждут перемен в судьбе. Наверху уже, в общем, почти все ваши. Хоть не «КГ», но по-прежнему «Б». Все точно помнят вашу методу – сейчас дословно произнесу: «Можно отнять любую свободу, но надо сначала дать колбасу!» И вот я сижу с колбасой в обнимку – а также не голый и не босой – и рапортую вашему снимку, как хорошо мне тут с колбасой.

В России много умных и грамотных, кто вам посвящает восторг и пыл. В Петрозаводске поставлен памятник: лоб – как у Ленина, нос – как был, а выражение – как у Тютчева: мол, стой, Россия, на страх врагам! Все говорят – вы хотели лучшего, но не успели, хвала богам. Спасибо вам, что вы не успели! Не то бы я, как некий герой, давно в деревянной лежал постели, а то и просто в земле сырой. Неважно даже – чистки, война ли... Долго ли, в общем, найти заказ? Теперь вы, правда, меня догнали, но двадцать лет я прожил без вас.

Вы были правы, пресечь распад решив. Сегодня мы тоже не можем ждать. Так утверждает товарищ Патрушев, а он-то знает, что утверждать. Теперь во власти не паралитики, а сплошь спортсмены, сажень в плечах, но... Что касается внешней политики, эта область пока зачахла. Мир стал какой-то однополярный. Чуть отпустили его – и вж-жик! Всем заправляющий Буш коварный ставит Ираком своих и чужих. А впрочем, таких подбирает лбов он и так не щадит чужих потрошков, как будто при вас еще завербован, а может, он наш, полковник Бушков?

На свете нет таких телескопов, чтоб в них увидеть грядущие дни, но я боюсь, товарищ Андропов, что контуры как бы уже видны. Хотя и лежим под западным выменем, всюю уже машем своим жерлом, и вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем. А так как я ни на шаг от правил и жизнь моя тут далеко не легка, прошу запомнить: я вас поздравил. По поручению «Огонька».

Песнь о вещем Владимире

В Киеве на выборах сперва победил, а потом проиграл Виктор Янукович.

Как ныне собирается вещий Вован

Поздравить вождя Украины,

Не зная еще, что Павловского план

Уже превратился в руины.

Он трубку виском прижимает к плечу:

«Я вас, Янукович, поздравить хочу!»

Польщен Янукович: не каждый премьер

С Вованом общается вещим!

Но как, не нарушив приличных манер,

Сказать, что поздравить-то не с чем?

Ероша хохол и кусая губу,

«Вы рано звоните», – он цедит в трубу.

«Да как это рано? – не понял ВВ.

– Ведь я же сказал, чтобы сразу!

Приказы мои исполняют в Москве,

Как только закончу я фразу!»

«Все так, – отвечает соседний глава, —

Но тут, к сожалению, пока не Москва».

«Ну ладно, – бурчит недовольный ВВ

И в ярости трубку бросает. —

Пока они тянут и пилят лаве,

Поеду я лучше на саммит!»

Но с саммита снова звонит Януку

И хитро ему произносит: «Ку-ку!»

«Ку-ку», – говорит Янукович в ответ.

Тогда с выраженьем зловещим

ВВ говорит: «Принимайте букет.

Иль снова ты скажешь, что не с чем?

Поставил я подпись! Ты понял, чувак?!»

Но вновь Янукович ответил: «Никак».

Меж тем и общественность как-то бузит,

Не ждавши такого сюрприза.

«Ты с чем поздравляешь его, паразит?!» —

Шипит из угла Кондолиза.

«С днем ангела!» - ей говорит ВВП,

А сам понимает, что это ЧП.

Три дня пробежало. Российский вожак

Настроен все резче и резче.

Он снова звонит: «Поздравлять или как?» —

Но, слыша привычное «Не с че...»,

Швыряет любимую трубку с гербом

И в твердую стену колотится лбом.

«Ну как это можно? - он стонет в тоске. —

Он что там - кидает монету?!

Когда я кого назначаю в Москве,

Вопросов, как правило, нету!

Бывает, назначишь кого-нибудь, мнять, —

И сразу же можно уже поздравлять!»

Зеленый друг

Осенью 2004 года доллар продолжил падение. Многие россияне разуверились в нем.

Люблю тебя, хоть ты не обещаешь создать со мной классической семьи. Ты спишь со мной (в подушке). Воплощаешь в себе одно все ценности мои. Ты символ власти, доблести, свободы, уверенности, нежности, еды. В тебе храню я прожитые годы. В тебя я воплотил мои труды. Ты заслони кремлевские рубины, не говоря про русские рубли. Вся жизнь моя ушла в тебя, любимый. Отсюда и накал моей любви.

Идеи – фетиш. Мне не до идей уж. Патриотизм развеялся как дым. Меня тревожит то, что ты худеешь, но ты мне даже нравишься худым. Мы связаны с тобой, как Холмс и Ватсон, как инь и ян, как горн и пионер, и как-то лучше падать вместе с баксом, чем подниматься с гривной, например. Толстеет рубль – теперь он весит много, но что мне проку от таких монет? Я на тебе читаю: «Верим в Бога». А на рубле читаю: «Бога нет».

Как опытный преступник – с адвокатшей, как модный галерейщик – с меценатшей, как эмират арабский – с эмиратшей, с тобой я свыкся. Ты мне не чужой. Ты падаешь – но с женщиною падшей приятней, чем с неопытной ханжой. С тобой резервы русского народа, я верю, будут в целости всегда. Пускай к финалу будущего года ты сбросишь пять процентов – не беда! Конечно, это бьет по нашим шеям и поджигает наши животы, но мы с годами все не хорошеем, и радостно, что с нами вместе ты.

В стране, где пахнет водкою паленой, где разбавляют даже молоко, – мне нравится, что ты такой зеленый и что тебя подделывать нелегко. Что запретят тебя – мне думать больно. У нас ведь правят левою ногой... Но как люблю я чистый взгляд Линко?льна! Что? Ли?нкольна? Как скажешь, дорогой! Тебя мне не заменит Центробанк, блин! Как будто Центробанк Россию спас! Все хороши, но самый милый – Франклин. Он лучше Вашингтона в сотню раз.

Исчезнет евро – я стерплю потерю: ты перспективней, ясно и ежу. По-прежнему я все тобою мерю и все, что есть, в тебя перевожу. Среди российской вечной круговерти лишь ты один – надежность и уют. Как ты стыдливо прячешься в

конверте, когда тобой зарплату выдают! Надежная, проверенная суша, добытая в мучительной борьбе... Пускай я не люблю, допустим, Буша. Но Буша ведь и нету на тебе!

Пусть ценник, украшающий обменник, грустнеет с каждым днем календаря, – тебе я верен, как кавказский пленник был верен долгу, грубо говоря. И с гордостью, глотая ком соленый, я говорю российским господам: «Он будет стоить тридцать, мой зеленый!»

А если нет, то я его продам.

Инаугурант Буш

Джордж Буш-младший избран на второй президентский срок.

Голос Путина (в трубке)

Послушай, Джордж! Звоню тебе, как другу.

Есть несколько вопросов, но сперва

Хочу тебя поздравить с ина... угу...

Короче, с тем, что ты опять глава.

Буш (прочувствованно)

Спасибо, Вов! И я тебе, как другу,

Готов сказать, что ты мне всех родней...

Путин (перебивает)

Но ты толкнул какую-то речугу!

Я кой-чего не понимаю в ней!
Я уточнить хотел бы для проформы,
А то Россия тоже не поймет.
Вот ты сказал, что, делая реформы,
Не худо уважать бы свой народ.
А то иной берется слишком круто —
И вся страна в прогаре, почитай...
Ты, собственно, кого имел в виду-то?

Буш (испуганно)

Китай!

Путин (успокоенно)

И я подумал, что Китай.
Вот пара фраз буквально авантюрных —
Мы тут буквально все потрясены.
Мол, те, что кое-где томятся в тюрьмах,
Есть будущая власть своей страны.
А ежели тиран не верит в это,
То он недальновидец и дурак.
Скажи, кого ты держишь в голове-то?

Буш (смущенно)

Ирак!

Путин (обрадованно)

И я подумал, что Ирак!

Еще один вопрос – и я отстану.

Одна деталь меня буквально жжет.

Ты говорил, что есть на свете страны,

В которых власть свободу бережет,

Не жмет на кнопки, не ломает клавиш,

Но управляет, личностей ценя...

Ты, собственно, кого в пример-то ставишь?

Буш (в отчаянии)

Тебя!

Путин (удовлетворенно)

И я подумал, что меня.

Неправильная победа

Февраль 2005 года. Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга высказалась о предстоящем юбилее Победы.

Недавно Вике-Фрейберга (она рулит покуда Латвией свободной) сказала, что она раздражена российской хамоватостью природной. Мы не вольны, промолвила она, внушить манеры русскому соседу. Пускай они там пиво пьют до дна за эту их несчастную Победу, пусть на газете чистят воблин бок и, оторвав куски от рыбьей тушки, под рев гармони шпарят на зубок свои неэстетичные частушки – нам варваров исправить не дано. История загонит их в парашу. Мы будем пить

не пиво, а вино, и не за их победу, а за нашу.

Простите этот вольный перевод, но суть сводилась к этому, ей-богу. Итак, латвийский доблестный народ не хочет пить за нашу Перемогу. Не мне Европу гордую учить – ее авторитет не поколеблен, – но Фрейбергу я должен огорчить. Она, похоже, будет в меньшинстве, блин. Не зря полки шагали на убой. Не только в Новом, но и в Старом Свете за ту победу станет пить любой, раскладывая воблу на газете. И англичане, дружно разложив на свежей Times бекон и чикен-карри, поднимут крепкий эль за тех, кто жив из тех, кто фрицам надавал по харе. Французы, разложив на «Фигаро» свои сыры и жирные паштеты, – о, как течет слюной мое перо, о, Франция упитанная, где ты! – поднимут тост среди парижских крыш за тех, кто в Resistance отличился, а вовсе не за тех, кто сдал Париж и под Виши от страха обмочился. И даже в Штатах, кажется, полно таких, что в память доблестного года свое калифорнийское вино закусят сочным лобстером Кейп-Кода – и, положив на «Вашингтонский пост» отваренного краба-исполина, возьмут его за ярко-красный хвост и скажут: «Ну, за взятие Берлина!» О Вайра! Я пишу вам из Москвы. Простите, я известный безобразник. Мы выживем, ей-богу, если вы в Россию не поедете на праздник. Пятнадцать лет мы, кажется, живем без Латвии – пленительной простушки, и нашу воблу жесткую жуем и распеваем грубые частушки. И пусть глава свободных латышей, угрюмая, как гордая гиена, разложит пару заячьих ушей на доблестном таблоиде Diena – оскалится, как нильский крокодил, который плачет, если безутешен, – и выпьет не за тех, кто победил, а за того, кто в Нюрнберге повешен.

Присяга

В подмосковном пансионате 27 февраля 2005 года состоялся первый, строго засекреченный съезд новой молодежной организации «Наши». Инициативу ее создания приписывают главному пиарщику президентской администрации Владиславу Суркову.

О, новая радость детей, стариков и прочих насельников Раши! Ужасно мне хочется в «Наши», Сурков. Сурков, запиши меня в «Ваши»! Я знаю, ты вырос и в

разум вошел в эпоху маразма и гнили, когда «Запишите меня в комсомол!» в четырнадцать лет говорили. Давно уже мне не четырнадцать лет (стареть неприлично поэту), и нет комсомола, и партии нет, а главное – радости нету! Теперь-то, я верю, ты сразу мне дашь и денег, и счастья, и смысла. Мне радости нет, потому что не ваш. А с вами мне будет некисло!

Ведь ваши теперь – побеждающий класс. Вы с каждой неделей краше. Ведь ваши купили «Юганскнефтегаз», и льготы оттяпали – ваши. Любимые наши! «Единство» ценя, ненаших погнали вы в шею. Похоже, что ваши имеют меня и все, что я лично имею. Хотите, я брошу стихи и статьи? Хотите, пинок мне навесьте, но только примите вот в эти, в «Свои», в идущие с нашими вместе! Хотите, я вызубрю ваш инструктаж и к черту пошлю своих Саш и Наташ, хотите, и сделаюсь тверд, как грильяж, и стоек, как шведская стенка, чтоб только сказал одобрительно «Наш!» любимец детей Якеменко.

Но, чтобы просить о приеме в ряды, не стоило пачкать бумагу. Сурков! Чтоб мои ты увидел труды, для вас сочинил я присягу. Чтоб вздрогнул при звуке ее малонер, чтоб скауты сжались кургузо, чтоб детям послышалась музыка сфер – «Хорст Вессель», допустим, «Рамштайн», например! Чтоб мог не стыдяться повторить пионер Советского, на фиг, Союза!

«Клянусь Перуном, четой, нечетой, клянусь Марракотовой бездной, клянусь бюджетника я нищетой, великой и малою Русью святой, клянусь диктатуры упругой пятой – резиновой, а не железной! Опричниной грозной, Потешным полком, петлею Ивана, Петра кулаком, пенькою и лесом, икрой, балыком, нефтянкой, Лубянской, нетленкой – и всем, что успел я всосать с молоком, детсадовским, с вечною пенкой! Клянусь Кольцевою твоей, о Москва. Клянусь оборонкой, что вечно жива. Клянусь автоматом Калашникова, Гагарина горним полетом – клянусь, повторяя святые слова: «Считайте меня патриотом».

Я буду страшнее, чем кузькина мать, и чище, чем сорок монашек. Я буду ненаших ногами пинать, где только увижу ненаших. Я буду любить доброту, простоту, я буду любить красоту, чистоту, ее защитить я за счастье почту, коль будет нуждаться в защите, – не всякую, братцы, конечно, а ту, которую вы разрешите. Я буду с хорошею книгой дружить, зимой закалять свое тело и нашему общему делу служить, не зная, что это за дело, я буду носить карабин, патронташ, хоть это не очень красиво, но чтобы с печатью и с надписью «Наш» была мне дарована ксива. За это я верю, правдой, добром, руками, ногами, пером, топором, погромом – коль будет вам нужен погром – служить обязуюсь,

благу! Век воли не знать, разрази меня гром».

Вы примете эту присягу?

Не надо ни денег, ни новых портков, ни порции гурьевской каши, ты только одно объясни мне, Сурков: гожусь я теперича в «Ваши»?

Баллада о бедной армии

В апреле 2005 года Верховная рада Украины обсудила возможность введения в стране легального откупа от армии. В России как раз начинается весенний призыв. Как выглядела бы откупная армия в российских условиях?

Пришла весна. Настал призыв. Мясистый военком, юнцам сурово погрозив, бряцает кошельком: «Сдавайте деньги, кто богат, – я дам вам белый билет! А тот, кто беден, – пожалте в ад, плясать строевой балет!» И кто богат – вернулся домой, птичье пить молочко, а тот, кто беден, – отправлен в строй, в казарму драить очко, и чистить поверхность краников медных, и старшим стирать хэбэ... О армия бедных, армия бедных! Легко воевать тебе.

Солдатская жизнь наперед размечена, заняться – нельзя тупей. Терять нам нечего, нечего, нечего, кроме своих цепей. В казарме им сказали: «Что ж! Держитесь, салажье. Кто беден – пусть берет штык-нож, патроны и ружье. Сперва он будет маршировать, чтоб дрогнули все враги, а после дедам заправлять кровать и чистить им сапоги. А кто побогаче, вам говорят, – сдавайте кто чем богат, и вас запихнут в кухонный наряд, а может – на тихий склад». И кто наскреб хоть сто рублей – в столовую повернул, а кто оказался и тут бедней – пошел стоять в караул, ногами тонкими в голенищах окрестных ворон смеша. О армия нищих, армия нищих! Для нас и ты хороша. Мозоль засохла, нога подлечена, в желудке – пустые щи... Терять нам нечего, нечего, нечего, – Вселенная, трепещи!

Пришла война. Коварный враг напал на милый край. И командир промолвил так: «О рота, выбирай! Кто может сдать мне по рублю, по рублику хотя б, – того я

крепко люблю и командую в штаб. А кто не может – пойдет в окоп, и пусть его вошь заест. Я всем обещаю бесплатный гроб, а также бесплатный крест». И кто наскреб хоть рупь, хоть пять – ушел с передовой, а кто победней, пошел воевать, рискуя головой. И после пары сражений трудных испуганный сдался враг – ведь армию скудных, армию скудных нельзя победить никак!

Терять нам нечего, нечего, нечего! Бояться ли нам огня?! Кого страна уже изувечила, тому и война – фигня.

Победа, граждане. Парад. Желанней нет поры. Над Красной площадью парят воздушные шары. Равняйся! Считаешься на первый-второй! Врага поверг во прах живых скелетов жалкий строй в дырявых сапогах. А в небе Бог проводит смотр погибших на войне, и молвит у райского входа Петр: «Богатые, ко мне! Кто здесь хоть чем-нибудь богат, входите без затей, а тот, кто беден, – ступайте в ад собою кормить чертей. У нас тут тоже хозрасчет – гоните хоть рупь, хоть шесть. А то и крыша в раю течет, и ангелы просят есть...» И вот на райских холмах пологих – те, кого Бог позвал, а самых убогих, самых убогих спустили в адский подвал.

Не плачь, шагая в адское печево! Россия – наша страна. Терять нам нечего, нечего, нечего! И пусть дрожит Сатана!

Кока-кома

В Америке опять проснулся коматозник. Несчастливая семья изверилась вконец. Он был простой сержант, здоров, что твой колхозник, пожарник удалой, четырежды отец. Однажды он явил отвагу на пожаре, ударен балкой был (тому уж десять лет!) – и ровно десять лет врачи его держали в палате для таких, кому возврата нет. Недвижный и немой, лежал он на кровати. Порой к нему родня являлась на часок. «С ним можно говорить?» – врач отвечал: «Давайте», – но он молчал в ответ, ударенный в висок. Второго мая вдруг вернулся он из комы, позвал к себе жену, детей расцеловал – и тотчас попросил бутылку кока-колы: врач все ему давал, а колы не давал!

Сбежалась пресса вся – тут есть на что смотреть им! Он хочет видеть всех. Врачи кричат: «Нельзя-с!»... Два года уж тому – году в две тыщи третьем – такой

же случай был, но в штате Арканзас. Поехал я тогда писать про арканзасца, про Терри Воллиса (поселок Мантин Вью). Он двадцать лет назад с друзьями нализался, сначала громко пел, подобно соловью, в отцовский грузовик потом полез с друзьями, кататься захотел – и полетел с моста. Он три часа лежал в пятиметровой яме и в кому впал потом (друзьям же – ни черта). Он двадцать лет лежал недвижно в Арканзасе, врачи отчаялись, не прилагали сил, уже и дочь его была в десятом классе... Как вдруг очнулся он – и колы попросил!

Есть что-то странное в таком пристрастии к коле. Воистину, она у штатовцев в крови. Поэтому, когда они в глубокой коме не слышат никого (хоть в рупор их зови), когда они в бинтах от пяток до затылка лежат и видят сны, не мысля, не скорбя, – им чудится во сне заветная бутылка, и просят лишь о ней они, придя в себя. Потом им вспомнятся причастия, глаголы и прочие слова, но первые – о ней. Быть может, это все реклама кока-колы... Но я же видел их, очнувшихся парней! Я вообще люблю счастливые исходы. Мне нравится, когда пожарник или шофер, в неведомой стране пространствовавший годы, очнулся и семье объятья распростер! Надеюсь, медики простят меня, невежду, коль честно я скажу (хоть правда не в чести): когда гляжу вокруг, лелею я надежду, что может полутруп в сознание прийти! Моя любимая лежит сегодня в коме. Никто ее пока в сознание не вернул. Примерз Владивосток, и еле дышит Коми, и, кажется, покрыт коростой Барнаул, окраины горят и тихо отпадают, конечности гниют тому уж двадцать лет... «Опомнись! Отзовись!» – все родичи рыдают и пробуют будить, но им ответа нет. Варили кашу ей и за нее жевали... «Очнись! Ограбят ведь!» – орали сыновья. Теперь не знаю сам – жива ли, не жива ли... любил ли я ее – или это бредил я... Боюсь, что даже врач, тупой, как жук-навозник, не лечит бедную, а яд вливает в грудь... Но если в Штатах вновь очнулся коматозник – то, может, и она очнется как-нибудь?

Откроет правый глаз, потом поднимет брови, припомнит, кто она, увидит белый свет...

Но вместо колы, блин, опять захочет крови.

Любимая моя, не просыпайся, нет!

Раздача осла

Уши от мертвого осла – вот что получит Латвия в ответ на свои территориальные претензии. Так и сказал президент Путин на встрече с редакцией газеты «Комсомольская правда», прошедшей 23 мая 2005 года.

Владимир Путин, братски посещая редакцию прославленной «КП», с коллегами распил немного чая, ответил на вопросы и т.п. Коснулись Белоруссий, Грузий, Латвий (все лезут на Россию, нашу мать, – и вскорости у нас не хватит лядвий, чтоб их передо всеми разжимать). Заспорили о договоре с Ригой: газетчиков давно волнует он. Согласьем мы ответим или фигой на просьбу сдать Пыталовский район? Взор Путина был деловит и светел. Едва «КП» вопрос произнесла, как он с большим достоинством ответил:

– Получат уши мертвого осла.

Мне нравится позиция такая. Не то чтоб я имперский троглодит, но гнусно усмехаюсь, представляя, как Фрейберге там в Латвии сидит, мечтает о Пыталовской распилке буквально двадцать третьего числа, а ей в кремлевской праздничной посылке приносят уши мертвого осла! Приятно мне достоинство ответа, решительного, как удар весла... Но главное, что радует, – не это.

Пошла раздача мертвого осла!

Вот, нахватавшись штатовской заразы, почти целуя Бушевы следы, грузины изгоняют наши базы и обещают их лишить воды. Мол, топайте домой еще до лета. Грузинская позиция ясна, продуманна – и скоро им за это вручат копыта мертвого осла.

Вот Украина. Мы теперь ей любы, как сионисту мил антисемит. Там Тимошенко искривляет губы и нашим энергетикам хамит. Конечно, СНГ – давно руина, разводка никого не потрясла, но что ж наглеть?! За это Украина получит хвост от мертвого осла.

Давно – еще когда мы жили с Борей и гибели не видели в упор – китайцы ждали наших территорий и, кажется, хотят их до сих пор. Японцы тоже жмут на нас жестоко, кремлевская пресс-служба донесла... Желаящие Дальнего Востока

получат попу мертвого осла.

И все, кто нами в чем-то недоволен, или обидит нашего посла, иль не уважит наших колоколен, получают части мертвого осла. Все эти радикальные исламы, и натовцы, и прочая шпана... Вот раздадим покойного осла мы – и будет здесь нормальная страна.

Ведь все у нас так мерзостно и тупо – нехватка сил, упадок ремесла – лишь потому, что мы в плену у трупа, что мы под сенью мертвого осла! Он, разлагаясь, провонял нам воздух. Все сны и мысли отравляет он. Он расплодил избыток мух навозных и прочих паразитов легион. Одни зовут его проектом красным, другие же – империей, как Кох, но мне покуда остается ясным лишь то, что он осел. И что издох. Когда-то, в прошлом, в детстве беззаботном, пропахшем бодрой «Красною Москвой», он, может, был полезнейшим животным – но всем животным срок отпущен свой. И хороши мы были или плохи – чтоб Родина сама себя спасла, она должна задачей эпохи признать раздачу мертвого осла. Ведь потому-то наш союз ослаблен. Нас потому и бросит большинство, что мы горой за мертвого осла, блин... и все реанимируем его... Вот так я понял путинское слово, истолковал его внезапный пыл.

Пора родить кого-нибудь живого.

Но не осла. Осел уже тут был.

Пропавшая грамота

Лето 2005 года. Глава МВД Рашид Нургалиев, выступая на заседании, приуроченном к Дню защиты детей, заявил, что страна переживает третью – после Гражданской и Отечественной войн – волну беспризорности. Сегодня в России два миллиона неграмотных подростков, сказал он.

Рашид Нургалиев (от чьих новостей читатели часто немеют) поведал, что два миллиона детей в России читать не умеют. Со дня окончания Второй мировой так много малюток с пустой головой и с памятью в виде провала в России еще не

бывало.

Но стоит ли выть и прохожих кусать, подобно мультяшному волку? Пускай я умею читать и писать – а фиг ли от этого толку? Вот тут Ходорковский опять прогремел, он тоже немало имел и умел, и проку с такого уменья? Судья, приговор и камень.

Страна наконец начала процветать, минуя капканы и мели. Здесь вечно умели писать и читать, а жить никогда не умели. Российские мальчики, мать-перемать, две вещи умели – читать и взрывать: едва «Колобка» прочитают – и царства на воздух взлетают! Читаешь – и думать уже ни о чем ни часу не можешь. Куда там! Булгаков остался бы классным врачом, и Горький – купчиной богатым, а Пушкин придворным закончил бы дни, когда бы читать не умели они. И Фета, и графа Толстого сгубило печатное слово!

Российские новости – хвори лютей. Под нами бурлит преисподня. Как славно, что два миллиона детей узнать не сумеют сегодня о том, что в Кремле состоялся прием и Путин примазался к «Нашим» на нем, что снова подрались в Бишкеке (есть жертвы, а также калеки), что снова провален весенний призыв в армейской родной костоломке, что Путиной нравится русский язык (смотри интервью в «Комсомолке»)… Сказал же один замечательный дед: «Едите обед – не читайте газет! А лучше и после обеда не трогайте этого бреда».

Я часто жалею, что грамотен я, что азбука мною любима… Порою подумаешь – сколько вранья прошло бы, товарищи, мимо! Допустим, без всех этих азбук и школ «Муму» и «Каренину» я б не прочел, – но вспомню, хихикая жлобски, что я не прочел бы и Робски! Цветаева, думаю, все же права (бывают мудры поэтессы), сказавши достаточно злые слова о среднем читателе прессы. Тут все, понимаешь, летит под откос – а эти козлы обсуждают всерьез, пожара не видя пред харей, какой у откоса сценарий…

О вы, победительный будущий класс, не знающий грамоты сроду! Поспорить готов – вы замените нас к две тыщи десятому году. Помойка вам – стол, и коллектор – кровать, зато вы умеете так выживать, как мы, обойденные клеем, уже никогда не сумеем.

Под спуном

Осень-2005. Правительство хочет создать электронное досье на каждого россиянина. Проект «Системы персонального учета населения» одобрен на прошлой неделе. Кроме обычной информации об уплате налогов и квартплаты база будет содержать сведения личного характера.

Покуда вся планета напрягает интеллект, способствуя прогрессу, ища увеселенья, в России запускают эпохальнейший проект «Система персонального учета населения». Ты дописался, Орвелл, на язык тебе типун, хоть со страной и датами проштрафился немножко. Система в сокращении зовется просто «СПУН» (по-русски это «соня», а по-английски – «ложка»).

Работы, прямо скажем, не на один семестр. Лет пять придется вкалывать, поскольку без изъятия все граждане Отечества включаются в реестр: фамилья, год рождения, судимости, занятая. Там будет, вероятно, и пятая графа, и данные о браках, если кто семью бросает... Раздолье для фискалов, милиции лафа: допустим, спросит кто-нибудь: «А где Шамиль Басаев?» А вот у нас, пожалуйста, о нем отдельный лист. Такой-то год рождения, манеры инородца. Приметы: одноногий. Специальность: террорист. Местонахождение: ночует где придется.

Сначала эту базу будут делать пять годков, в секретности, с защитами от кражи и прослушки. Потом сдадут Фрадкову (коль останется Фрадков), и тут же она станет продаваться на Горбушке. Я там приобрету ее за небольшую мзду (за что платить-то, граждане? не больно интересно!), и познакомлюсь с девушкой, и в гости к ней приду: «Не представляйся, милая, мне все уже известно. Ты Маша Николаева? Смотри, секретов нет. Ты дочь простых родителей – врача и педагога. Окончила без троек, поступила в Первый мед, читаешь, любишь пряники, пьешь колу, веришь в Бога. Оценки позитивные, слегка капризный нрав, твои духи – «Провокатор», твой идеал – Пачовски... Однажды другу вякнула, что Путин был не прав, но тотчас же поправилась, что в выборе прически. Есть родинка на попе, вторая на губе. Партнеров было шестеро; куда же без соблазна... Поскольку все, что надо знать, я знаю о тебе, – без предисловий, Машенька, отдайся. Ты согласна?»

«Не будем тратить время на сближение, дружок, – ответишь ты улыбочиво, не дав закончить фразу. – Не скрою, знойной внешностью ты душу мне обжег, но я на всякий случай просмотрела ту же базу. Ты сын простых родителей и все-таки еврей, недавно бросил рыжую и заимел шатенку; конечно, ты срываешься порою с якорей и говоришь про Путина, но шепотом и в стенку. Твои произведения – ужасная фигня, но все-таки не худшее из вашей круговерти. Твоя зарплата белая убила бы меня, но есть еще и черная, которая в конверте. Ты вешишь сто одиннадцать, ты толст на первый взгляд, зато ты щедр с партнерами – жена ли, не жена ли... Короче, ты мне нравишься, хоть пять годков назад ты вел дурную рубрику в сомнительном журнале».

И, избежав формальностей (хождения в кино, рассказы о родителях, уловки, ахи, охи), – мы то с тобою сделаем, что делать суждено всем юношам и девушкам во всякие эпохи. По лежбищу раскинемся мы розою ветров. Мы будем положения менять ежеминутно. А сверху будет пристально смотреть майор Петров, у монитора верно пристроившись уютно. Он будет подхихикивать: «Ну блин! Ну потаскун!» Он будет все записывать, востря глаза и ушки, а после эти сведенья внесет в систему СПУН, чтоб мы ее назавтра же купили на Горбушке. Тебе, тебе, майор Петров, дарю я этот стих! Ты в том же самом перечне и тоже знаешь это. Ты сын своих родителей, гэбэшников простых. На левой пятке родинка – особая примета.

Пятьдесят поросят

В открытых письмах важно не то, что написано, а кем они подписаны. Пятьдесят представителей общественности, спортсмены и деятели культуры, вспомнили о старой отечественной традиции и выступили летом 2006 года с письмом в поддержку приговора Михаилу Ходорковскому.

Чтоб растоптать вражину по праву старшинства, цепные псы режиму желательны сперва. Потом – для гигиены, чтоб нам не портил ряд, – шакалы и гиены его приговорят. Чтоб заглушить камланье прозападных сорок, имеется, каналья, обученный Сурок. Но надо опорочивать, а то кругом свистят... Тогда приходит очередь Придворных Поросят.

Заказ довольно тонок, условия непросты. Конечно, поросенок – не символ чистоты. Его считают хрюшкой, бранят за внешний вид... «Не гажу я, где кушаю!» – он гордо говорит. Чтоб разобраться с Западом, с идейной войной, нужна зверюга с запахом получше, чем свиной. Чтоб лучше огорошить идейного бойца, была б уместней лошадь, а может быть, овца, – но лошади, и козы, и весь рогатый класс бегут, как от угрозы, от слова «соцзаказ». Когда кого-то режут (а это часто тут) – они в ножовой скрежет свой голос не вплетут. И только поросята в сплотившемся строю сдадут родного брата и даже мать-свинью. «Ты прав, мясник достойный, и славою покрыт! – гремит их хор застольный от мисок и корыт. – Держи повыше знамя! Честна твоя стезя. Учти: иначе с нами, со свиньями, нельзя».

Но этот мир изваян со смыслом, по уму. И будет их хозяин ловить по одному и резать на котлеты законные свои, поскольку петь куплеты – не главный смысл свиньи. Мясник в привычном раже наделает котлет, не спрашивая даже: «Элита вы или нет?», надежды их народца безжалостно поправ... А те, кто остается, споют: «Мясник, ты прав!»

Я этой скромной притчей, которой сотня лет, надеюсь тех, кто притчей, остановить... но нет. Духовная элита, державная попса рыдает у корыта на разны голоса. Так дружно не рыдали с передвоенных пор. «Отлично! Мало дали!» – неистовствует хор. Я вижу те же знаки в послании попсы – «кровавые собаки», «взбесившиеся псы»... Как быстро все забыто! Лет семьдесят назад духовная элита (не сплошь из поросят) кричала: «Больше казней! Пощады нет врагу!» – призывов безобразней представить не могу, – а после ту элиту порвали (се ля ви!), как Гумберт рвал Лолиту, да только без любви. Всех дочиста прижали. Погнали в ту же дверь. Но тем хоть угрожали расстрелом – а теперь?

Какая вышла свалка, какие имена! (Донцовой нету, жалко, – но, может, и она?..) Каким оценишь баллом письмо такой толпы? Буйнов и Розенбаум, духовности столпы, Кабаева Алина попалась на крючок – и здесь же балерина по кличке Волочок! И Говорухин тоже (ну он давно в беде), и Кадышева (Боже! А Коля Басков где?). И даже от Калягина – чтоб знали, ху из ху! – готовно накорябана каракуля вверху. Конечно, тут величья не стоил ни один; молчу про неприличье, про милость к падшим, блин... Но при такой элите, горланящей «Ату!», чего вы все хотите? Смотреть не вмоготу. Пусть даже Ходорковский – ужасный Карабас, но этот хор кремлевский его, по сути, спас. Теперь, на этом фоне, и полный идиот архангелом в хитоне в историю войдет.

О нынешней элите я спорить не хочу: коль скоро вы их чтите – вам надобно к врачу. Сначала пороссятам сказали: «Данке шён», но в царстве тридесATOM их жребий предрешен. Я не об этом думаю. Смотрящий с высоты! Скажи, за что страну мою по кругу гонишь ты?

Ода борьбе

Политическая борьба в России есть – причем в буквальном смысле слова. Недавнее избиение «левых» (осень-2006) это доказывает.

Ликуй, Отечество! Нацбола избили битой для бейсбола, других – обломками трубы. Вломилась банда с криком «Суки!», двоим переломала руки, еще двоим пробил лбы. Всех отпустили на поруки. И эти западные злюки врут, что в российском царстве скуки нет политической борьбы!

Какой борьбы тебе, Европа? Ждешь перестрелки ты? Окопа? (Бойцы предупредили копа, чтоб их не трогал ни хрена.) Да, нет парламентского трепа (он принят западнее Чопа), зато со скоростью потопа грядет гражданская война! Читатель ждет уж рифмы «...». Ты прав, читатель, вот она.

Есть слух, что «Наши» виноваты и что футбольные фанаты, им пополняющие штаты, творили этот беспредел. Давно ль поэт, чья совесть смята, как форма старого солдата, к гражданским чувствам звал фаната?! Как в воду, умница, глядел. Открылась тайная изнанка, определился ход планет – у нас пошла такая пьянка, что равнодушных больше нет. За триста долларов на брата (грядет и лучшая оплата – сейчас возможности слабы) патриотичные ребята дотянут русского фаната до политической борьбы!

Когда-то сам геноссе Ленин, чей опыт нам поныне ценен, хоть партия его слаба, кричал, что пусть собака лает, пусть караван идет в парламент, а наш удел борьба, борьба! Политика – большая драка. Любой, кто думает инако, при виде биты и нунчака не смея искушать судьбу, пусть уползает в позе рака и не суется к нам в борьбу!

Ты проиграл, отважный Жири. За дело надо браться шире. Теперь в Калуге и Кашире, на Селигере и Оке под знаком общей ностальгии растут политики другие – покатолюбые, тугие, с бейсбольной битой в руке! Борьбы не знали до сих пор мы. Все это было так, фигня. Жизнь приняла другие формы, и это радует меня. Грядущее я вижу раем. Как все наглядно будет там! Мы оппозицию узнаем по гипсу, бланшам и бинтам.

Нет, «Наших» трудно счесть ослами. Они сказали, что послали своих девчонок и ребят на митинг «Год назад в Беслане». Им не до драк, они скорбят. Тончайший ход, достойный Горби! Но, надорвав страданием грудь, могли ж они в порыве скорби поколотить кого-нибудь! Любого встречного. Любого, кто нелояльно вел себя. И кто сказал бы им хоть слово? Они ж не так, они скорбят!

Страна, при помощи дубины нас защищают хунвейбины, храня высоты и глубины своей истерзанной земли. Скажи спасибо, не убили. Они, мне кажется, могли.

Нулевой рэп

В самом решающем матче сезона-2006 сборная России по футболу сыграла вничью 0:0 с командой Словакии и не поедет на чемпионат мира.

Вот наши со словаками сыграли в Братиславе, и кто-то надрывается, что мы опять прос...ли. А я не понимаю таких сволочей! Я не знаю, что может быть лучше ничьей! Пусть нам теперь в Германии не светят медали – да фиг ли там Германия, чего мы не видали! Я вовсе не в обиде из-за этих нулей, я даже полагаю, что так веселей! Из-за того, что наши словаков не дожали, мы крайности ужасной успешно избежали. А то, что и словаки не сумели нас дожать, позволило ужасного соблазна избежать.

Когда б мы победили с перевесом ноль – один, мы тут же закричали бы, что всем зададим. Когда б мы победили с перевесом ноль – два, от гордости у нас бы закружилась голова. Когда б мы победили с перевесом ноль – три, мы грозно заорали бы: Америка, смотри! Когда б мы победили с перевесом ноль – четыре, мы сразу бы решили, что мы лучшие в мире. Когда б мы победили с перевесом

ноль – пять, мы начали бы Запад поучать и стращать. Когда б мы победили с перевесом ноль – шесть, тогда бы мы решили, что у нас все есть. Когда б мы победили с перевесом ноль – семь, «Единая Россия» обнаглела бы совсем. Когда б мы победили с перевесом ноль – восемь, мы тут же заявили бы, что никого не спросим. Когда б мы победили с перевесом ноль – девять, сказали бы, что больше ничего не надо делать. Когда б мы победили с перевесом ноль – десять, то сразу бы решили Ходорковского повесить, поскольку сверхдержава, побеждающая так, не может церемониться с тем, кто ей враг!

Но мы не победили, нет, мы не победили. Ребята наши кисло в раздевалку уходили. Хотя мы и не в отчаянье (чего бы это ради?), зато уж и не думаем, что мы в шоколаде. При нашем состоянии значительный грех – доказывать, что мы совершеннее всех. Хотя доказывать, что родина скучна и противна, – тоже, если честно, не совсем перспективно.

Когда б мы проиграли со счетом ноль – один, мы дружно заорали бы, что Семина съедем. Когда б мы проиграли со счетом ноль – два, кричали б, что судейская бригада не права. Когда б мы проиграли со счетом ноль – три, мы тут же догадались бы, что враг внутри. Когда б мы проиграли со счетом ноль – четыре, мы наших демократов замочили бы в сортире. Когда б мы проиграли со счетом ноль – пять, мы дружно закричали бы, что нам хамят опять. Когда б мы проиграли со счетом ноль – шесть, военные бы начали обдумывать месть. Когда б мы проиграли со счетом ноль – семь, у нас бы обязательно кто-нибудь сел. Когда б мы проиграли со счетом ноль – восемь, мы всех бы припугнули, что бомбу сбросим. Когда б мы проиграли со счетом ноль – девять, то нам бы, вероятно, пришлось бы так и делать. Когда б мы проиграли со счетом ноль – десять, опять-таки решили Ходорковского повесить, поскольку за позорно проигранный бой хоть кто-нибудь же должен заплатить головой!

Но мы не проиграли, нет, мы не проиграли. И это соответствует сегодняшней морали. И если в государстве заправляют нули, не ждите, чтобы где-нибудь мы в счете вели!

Корабль «Электрон»

Осенью 2005-го береговая охрана Норвегии арестовала российский рыболовецкий траулер «Электрон», но экипаж судна отказался подчиняться приказу, сбежал из-под ареста и направился в сторону Мурманска.

Исполняется мужским хором под рев прибоя.

Четвертые сутки бушует циклон, забыв про пощаду и отдых. Врагу не сдается корабль «Электрон», в норвежских дрейфующий водах! Презревши норвежских тупых заправил, неделю как минимум третью наш траулер местную семгу ловил, но мелкочейистой сетью. За эту запретную мелкую сеть по зову норвежского трона три катера местных послали висеть на гордом хвосте «Электрона». Шумел неприятный норвежский прибой, размешивал водную кашу... Таможенник встал иноземной стопой на твердую палубу нашу. «Придется вам с нами проследовать в порт. Не любят у нас иностранцев!» – «Должно быть, придется проследовать, черт», – ответил норвежцам Яранцев[1 - Яранцев – капитан «Электрона»]. И кротко к норвежским пошел берегам Яранцев, скрывая обиду... Но мы никогда не сдаемся врагам, их слушаешь только для виду! К радисту спешит «Электрона» вожак – докладывать четко, как робот: «Любимая Родина! Так, мол, и так... Норвежцы нас взяли за хобот! Нас катер таможенный нагло нагнал!», но замысел правильно понят, и Родина им посылает сигнал: «Спасайтесь! Вас не догонят!» – «Однако норвежцы у нас на борту! Везти их в Россию не дело!» – «Везите и их. Разберемся в порту», – отвечает Родина смело.

Яранцев командует: «Полный вперед! Россия на юго-востоке!» И курс на российские воды берет, оставив Норвегию в шоке. На чистом норвежском его матеря, краснея в напрасном задоре, за ним пограничные мчат катера – но где им в открытое море! Кричит альбатрос, и российский матрос от радости машет тельняхой. На винт «Электрону» накинули трос, но винт разрубил его к черту! Норвежцам никак не поймать «Электрон» – он в шторме спокоен, как в ванной. Российского флота незримый патрон, ликует Андрей Первозванный.

И траулер двинул к родным берегам по моря морщинистой коже. И семга его не досталась врагам, и пленные викинги тоже. Встречать его русские вышли суда, гудками сигналя: «Здорово!» Норвежцы носились с угрозой суда, но грянул отлуп от Лаврова. А пусть они нам не наносят урон, не топчут неписанных правил! (Есть версия, будто корабль «Электрон» с секретной миссией плавал, но версия эта, мне кажется, бред, ее основания хлипкие. Секретов у нас от Норвегии нет. Нам попросту хочется рыбки.)

«Победа!» – российский трубит патриот, хоть западник ноет брюзгливо. Российский корабль триумфально идет по водам родного залива. Он красную рыбу везет на засол и двух погранцов обалделых, и кисло роняет норвежский посол, что все это, в общем, в пределах... А то ведь могли засадить под арест! А лапу сосать не хотите ль? И реет на флаге Андреевский крест – российского флота спаситель.

Суровое море вздымает валы и утлое судно качает. На судне качаются наши орлы под крики восторженных чаек. Так пусть же запомнят и грек, и варяг, и галльский изнеженный кочет: врагу не сдастся российский моряк! И ловит что хочет, где хочет...

Развод

Очередной одиннадцатилетний цикл российской истории закончился – Алла Пугачева развелась с Филиппом Киркоровым.

Страну изрядно потрепало. Культуру бизнес обокрал. Звездой зовут кого попало и всех пускают на экран. Сейчас любой зовется ВИПом – артист, пиарщик, конь в пальто... Но Алла развелась с Филиппом, и стало ясно, кто есть кто.

Все темы отступили на фиг. Все – от еды до высших сфер: бюджет, преступность, наркотрафик, Мосдума, Мень, ЛДПР, Медведев, встреча с Коидзуми, «Нацизму – да!», «Нацизму – нет!» и миллион других безумий, какими полон Интернет. Расстались, значит. Доконались.

У всех – морщины по челу, весь политический анализ сменился дружным «почему?!». У них не ладилось с деньгами? У них запасы на нуле? Иные даже полагали, что это сделали в Кремле: как только слух донес приемник и подтвердил телеканал, про операцию «Преимник» никто уже не вспоминал. Теперь до будущей субботы другие новости в тени. Введи какие хочешь квоты, любые льготы отмени, закрой эфир телеканалу, начни цензуру новостей – все будут помнить лишь про Аллу и разводящегося с ней. Вот личность, что и впрямь бездонна. Вот неземное существо: ни Марадона, ни Мадонна так не тревожат

никого. И в нынешнем, и в прошлом веке, в равно дурные времена у нас какие были вехи? «Почем бухло?» да «С кем она?». Лишь матушка Екатерина меняла так своих мальков: одних прилюдно материла, другим готовила альков.

Бытует мнение простое, я даже сам его имел: в России со времен застоя не так уж много перемен. Все оппозиции протухли, народ спивается давно, интеллигенция на кухне, по телевизору – вообще, и все дрожат, сглотив обиду, за свой убогонький уют, и лишь политбюро – для виду – администрацией зовут. Но хватит потешать планету. Я защищаю нашу честь: прогресса, может быть, и нету, но перемены все же есть! Я с ностальгирующим всхлипом могу сказать друзьям в пивной: «Еще когда она с Филиппом, я познакомился с женой!» В эпоху сбора чемоданов и общих бегств за рубежи там был какой-то Челобанов (куда он делся, расскажи?). А Болдин – при повторном путче: что только делалось в стране! Когда ж в России было лучше? Боюсь, при Вове Кузьмине... Кранты настали олигархам, у либералов бледный вид, а с ней, наверно, будет Галкин. Она его усыновит.

Итак, финал: Филипп уволен. Бог отомстил за Ароян. Но отчего я так доволен, таким восторгом обуян? Дела в России не ахти ведь... Но я утешен, господа: как видим, могут опротиветь они друг другу иногда. Не только нам, не только прессе, уже рехнувшейся слегка, не только телекритикессе, что обсмотрелась «Огонька»... Событие нынешней недели, что плавно движется к зиме, – «Они друг другу надоели!» Выходит, мы в своем уме.

Видать, не только мы устали от этих плясок на костях; от тех, что жирно тут блистали при всех режимах и властях, от тех, кто меньше год от года достоин прозвища Звезда...

Вот только с ними нам развода не даст никто и никогда.

Московский марш

На выборах в Мосгордуму «Единая Россия» одержала победу.

Еще я помню времена, когда – почти в другую эру! – замоскворецкая шпана дралась с таганскими, к примеру; когда сплоченною стеной, весьма далекой от идиллий, новогиреевцы войной против лефортовских ходили... Те времена прошли, увы. И я почти не верю в сказку, что, мол, любой район Москвы имел особую окраску. И политически они делились по причинам ясным: окраины в былые дни симпатизировали красным, за правых – Университет, интеллигенцией обжитый, Аэропорт, с советских лет предпочитаемый элитой, а также центр, само собой. Наш город густонаселенный был разноцветным: голубой, багряный, розовый, зеленый... Но, слава богу, есть предел. Уже давно, единством бредя, наш город радостно надел цвета российского медведя. И я, москвич, сегодня горд, что монолитно и сурово Таганка и Аэропорт, Новогиреево, Перово и Кремль – суровый господин над нашим несуразным краем – все голосуют как один. А кто «один» – мы тоже знаем.

Наш город наконец дорос до цельной, правильной элиты! Единоросс! Единоросс!
В Мосдуму радостно иди ты!

Еще я помню времена, когда, посулы взяв на веру, за коммуняк была жена, а муж – за «Яблоко», к примеру; когда ходил на брата брат, крича в трагическом запале: «Продался, подлый демократ! Совсем страну разворовали!» Когда, бывало, сын и мать – она крута, и отпрыск грозен – могли и стулья поломать, решая, кто такой Рогозин. Любая русская семья делилась яростно и четко: с женой часами спорил я, на мать мою ругалась тетка... Теперь период не такой. Любые кошки стали серы. В России мир. В семье покой. Исчезли даже адюльтеры. Довольно, знаете, толочь водицу в ступе. Всем неловко. Сегодня вместе сын и дочь, сестра, сноха, кума, золовка и дед в сиянии седин (на коже – старческие пятна) – все голосуют как один. А кто «один» – и так понятно. Закрыт мучительный вопрос, и разногласия забыты. Единоросс! Единоросс! Во власть московскую иди ты!

Еще я помню времена – лет пять назад или четыре... И в организме шла война покруче даже, чем в эфире! От страсти плавясь, будто воск, ища себе единовеца, «КПРФ!» – кричал мне мозг. «Нет, СПС!» – стучало сердце. Просил желудок срочных мер и предъявлял претензий тыщу: ведь при словах «ЛДПР» он извергал любую пищу... «За НБП!» – кричала пасть, ввергая родичей в досаду, а не скажу, какая часть просила выбрать Хакамаду; и лишь седалище (на грех, ему-то слова не давалось) голосовало против всех, поскольку всех равно боялось. Но, к счастью, кончился разлад, уже почти грозивший моргом. Сегодня органы стоят стеною, как единый орган. Теперь ищите дурака – о смысле

спорить, как когда-то... Сегодня сердце, и рука, глаза, и печень, и простата, и мозг – суровый исполин, весьма обрадованный этим, – все как один! А тот один – и сам из органов, заметим.

Могуч плечами, как колосс, лицом красивей Афродиты – встал над Москвой единоросс. И мы кричим ему: «Иди ты!»

Хотят и могут

Цитатой-2005 можно считать высказывание Владимира Путина после беседы с Робертом Кочаряном. «Тему «бархатной революции» мы не обсуждали», – заметил президент России. И объяснил почему.

Поговорив немного с Кочаряном, наш президент заметил, не темня, на радость всем российским графоманам и будто бы нарочно для меня: «Армения – в едином с нами стане. Пускай враги ярятся без стыда – мы революций обсуждать не стали: вы Ленина читали, господа? Он замечал, что революций молот фигачит человека, как котят, когда верхи как следует не могут, причем низы опять же не хотят. Совсем не в этой стадии Россия. Мы искупаем старые грехи. У нас низы хотят. Довольно сильно. И могут гармоничные верхи».

От этой идиллической картины я заторчал, как Даниэла Стил. Действительно, среди тупой рутины я это счастье как-то пропустил. В моей стране, в ее огромном теле едва струились тощие рубли; низы уже забыли, что хотели, верхи уже забыли, как могли... Не сеяли, не выплавляли стали, совокуплялись вяло и грешно, но органы обвисшие восстали, и поглядите, как оно пошло! Уже и старцев голодом не морят, и рейтинг, словно статуя, застыл... Уже верхи настолько мощно могут, что бледный Запад прикрывает тыл! И ломаются витрины магазинов, и молодежь не косит от кирзы... Разинув рты и лядвия раздвинув, лежат и стонут пылкие низы.

Поэт глядит, восторженно икая, на Родину, познавшую отца, но мнит, что ситуация такая не может продолжаться без конца. Чем чаще нас целуют, обнимают и на диванчик радостно мостят, тем нижние яснее понимают, что не

совсем того они хотят! Тем чаще раздается гнусный гогот, тем чаще наблюдаем блеск слезы... Верхи все лучше могут, могут, могут – но все не то, чего хотят низы! Им требуется ласковое слово и более удобная кровать, им хочется чего-нибудь другого, они взывают: «А поцеловать?!» Потом им мало даже поцелуя, им хочется какой-то бутерброд... В недоуменье власть: «Какого черта еще тебе?!» – Безмолвствует народ.

Родная власть! Не раз ты нас уложишь, ведь темперамент твой неукротим; не раз еще покажешь, как ты можешь, уверенная в том, что мы хотим. Люби еврея, русского, нанайца, крестьянина, погонщика скота...

Но все же иногда предохраняйся!

Иначе подступает тошнота.

Кони привередливые

Новогоднее обращение главного Лабрадора страны в предыдущий – 2006 – год Собаки.

Друзья и товарищи! Братья и сестры! Свободные члены собачьей семьи, чьи зубы, на страх нарушителю, остры, а лапы, к отчаянью дичи, сильны! Сегодня, в полночном таинственном мраке, когда и природа смирна и тиха, позвольте поздравить вас с годом Собаки и с тем, что собака прошла на верха.

Сначала поздравим того, кто в дозоре. Таких в новогодие несколько сот. Всех тех, кто сейчас, супостатам на горе, в ночи пограничную службу несет. Лакнем же сначала за тех, что кромсают преступное горло в неравном бою; кому дрессировщики палку бросают (собака подохнет за палку свою!); за тех, от кого у преступника в жилах вся кровь леденеет и бегаёт зрак! За наших дозорных, за наших служилых, за наших надежных элитных собак!

Теперь об итогах прошедшего года. Двухногий – собаке опора и друг. Большая заслуга собачьего рода – затишье в стране и порядок вокруг. Все лучше живет однородная масса. У каждого в миске хватает костей, иным достается к обеду и мясо, и в этом – большая заслуга властей. Конуры, подстилки становятся краше (не зря же качается нефть из земли!). В истекшем году подопечные наши себя удивительно смирно вели. Сейчас, со статистикой свежей знакомясь (она, как всегда, у меня на виду), хочу подчеркнуть: мой домашний питомец отлично работал в минувшем году! Порою мешает ему проходимец, порой саботирует злой ротозей, но в целом скажу: мой домашний любимец – из самых надежных двухногих друзей! Люблю я побегать зеленою травкой, когда он гуляет со мной на лугу... А ты, оппозиция, лучше не твякай. Вам, может, на цепь захотелось? Могу.

Конечно, у нас остаются проблемы. Не всем еще нравится доблестный труд. Хватает бездомных (их видели все мы). Досадно, что их иностранцы берут, купив на посулы безоблачной жизни. Границы открыты, но я бы – ни в жисть! Мне кажется, лучше замерзнуть в Отчизне, чем где-нибудь сладкую косточку грызть!

Я думаю, братцы, вдвойне безрассудно сказать, будто жизнь наша – лучше нельзя. С двухногими сложно. С двухногими трудно. Капризны бесшерстные наши друзья. Страдают от голода, ноют от жажды, им жарко на солнце и сыро в тени, за сутки их надо выгуливать дважды – но все-таки нас забавляют они! Не станем, товарищи, спорить о вкусе – но как-то приятно на слух и на глаз, когда они нежно скулят: «Уси-пу-си!» и весело лают: «Апорт!» или «Фас!» И каждый – задумчивый житель окраин, начальник Кремля или охранник тюрьмы – в гордыне себя называет «хозяин», не зная того, что хозяйева – мы! Но эта проблема – из области вечных. Она к ним пристала, как мясо к кости. А тем, у кого еще нет подопечных, я все же советую их завести. Они развлекают, они забавляют, они доставляют нам «Педигри-пал» и с праздником все-таки нас поздравляют (а мой иногда меня даже купал).

Ну что ж, дорогие! Ночная природа – взгляните на жуковский мирный пейзаж! – затихла в предчувствии Нового года. И год, господа, не какой-то, а наш! Со всеми я мысленно чокаюсь миской и, скромную трапезу с вами деля, лакну за здоровье собаки российской и нежно повою на звезды Кремля!

Родиться вновь!

По опросам ВЦИОМа, четыре пятых наших соотечественников хотели бы родиться именно в России.

С утра я словно солнцем осиян. По данным любопытного ВЦИОМа, четыре пятых взрослых россиян желали бы опять родиться дома. Казалось бы, страна – сплошной изъян, а все хотят родиться в ней повторно! Пусть где-то много диких обезьян, и есть легализованное порно, и продается запросто трава, и обходить законы нету смысла, и даже есть гражданские права, с которыми у нас как будто кисло, – четыре пятых местных горожан предпочитают наши палестины (в отличие от скучных парижан – там патриотов меньше половины). И спрашивали, черти, не в глуши, опрашивали не провинциала, кому родные стены хороши, поскольку, кроме них, он видел мало; не кулика, который хвалит квас, поскольку никогда не нюхал колы, – нет! Питерцы! Москвички! Средний класс! Топ-менеджер! Дитя элитной школы! Окончили престижный институт, проводят уик-энды в Куршевеле – и все хотят опять родиться тут. Карякин бы сказал, что о...ели.

Я – не Карякин. Я скажу не так. Не мне кичиться гречневой кашей, но я в таком ответе вижу знак трезвеющей самооценки нашей. В окрестный сумрак взоры погрузи – и ты узришь ужасные картины: во Франции лютует Саркози, по пригородам снова жгут машины; в Израиле – едва живой Шарон, что может лишь мечтать о прежней силе (на этот раз простил его Харон, но фундаменталисты не простили); по Турции гуляет птичий грипп – в Анталии, должно быть, очень мило... Звучит все это, как последний хрип над нами потешавшегося мира. Мы вам казались дикарями, да? Вы, так сказать, плевали в нашу рану? Теперь у вас такая же банда, и даже хуже, судя по Ирану. Вам предстоит теперь сизифов труд – грозить исламу, сдерживать заразу... Нет, мы хотим родиться только тут! Где было это все, и не по разу! Зато теперь – ни гриппа не видать, ни новых войн. Ищите как хотите – в стране такая тишь и благодать, какую знают только в Антарктиде. Глядишь на Украину, например, где взбунтовалась избранная Рада, где в третий раз меняется премьер, и думаешь: а на фиг это надо?! Не стоит и смотреть на эту гнусь, на этот хипеш, шабашу подобный... Родившись здесь, я как бы остаюсь в утробе, только более удобной.

А если говорить совсем всерьез (ведь новости не каждый день зловещи) – боюсь, в таком ответе на вопрос таится пониманье главной вещи. Ругая всякий день

свою страну, страдая от тоски и неуютa, я одного признать не премину: что только в ней я нужен хоть кому-то. Отечество мне оказало честь, хоть не дало особых изобилий: я здесь гожусь таким, каков я есть. В другой стране давно б уже убили. Пусть мы на завтрак не едим бекон, пускай у многих нету туалета, но каждый нарушает наш закон, и Родина легко прощает это. Здесь можно, не умея ни хрена, усвоив грозный вид и тон приказа, за месяц получить мильон грина, а за год – половину нефтегаза. Здесь ни к чему ни мудрость на устах, ни к тайнознанью пылкое влечение, а вот рожденье в правильных местах имеет здесь огромное значение! Короче, тут не надо ничего, помимо свойств обычного солдата, чтоб лавром увенчать свое чело. Конечно, риск. Но все умрем когда-то! Поэтому поэты и менты, юристы и заслуженные воры, которые по-братски и на «ты» с правительством ведут переговоры, кретин, по блату влезший в институт, боец-чеченец, нож вложивший в ножны, – мы все хотим родиться только тут!

В других местах мы просто невозможны.

Моление о сале

В начале 2006 года Россия ввела запрет на экспорт украинских мясопродуктов.

Оглядываясь, вижу лишь руины большой страны, где рос когда-то я. Введен запрет на сало с Украины. Пусть торжествует русская свинья! Обидевшись на бывшего вассала, сперва Россия перекрыла газ, а вскорости ввела запрет на сало, сказав, что этим салом травят нас. Страшна ты, государственная воля! Добавил Минсельхоз, скрывая боль, что нет за салом должного контроля. Какой за салом должен быть контроль?! Спецслужбы спят и видят – от кого бы еще спасти Россию, встав стеной... Вот, говорят, что в сале есть микробы. Какие в нем микробы – грипп свиной? С тоски включаю зренье тайновидца: чем именно ослабленные мы могли от украинцев заразиться? Бациллами оранжевой чумы? Мы много в «Огоньке» о ней писали, она коварна, как злодей в плаще, но полагаю, что она не в сале. И не на Украине вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Яранцев – капитан «Электрона».

Купить: https://tellnovel.com/ru/bykov_dmitriy/zaraznye-gody

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)